

Я. В. Королькова

О СООТНОШЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ И ФЭНТЕЗИ

Исследуется проблема соотношения литературной сказки и фэнтези на разных уровнях поэтики. Среди общих черт выделены природа чудесного и принципы создания образов героев. В качестве отличительных признаков фэнтези рассматриваются вторичность произведений фэнтези по отношению к фольклорным текстам и тенденция к формированию индивидуально-авторских мифов.

Ключевые слова: *литературная сказка, фэнтези, чудо, чудесное, герой, индивидуально-авторский миф, игровая природа текста.*

Вопрос о соотношении литературной сказки и фэнтези стал актуальным в конце 1980-х гг. В это время на книжных прилавках нашей страны появились переводные романы Д. Р. Р. Толкиена, У. Ле Гуин, Р. Говарда, маркированные непривычным для русского читателя словом «фэнтези». Уже спустя несколько лет начали публиковаться оригинальные произведения отечественных авторов с маркировкой «фэнтези»: «Кольцо тьмы» Ника Перумова, «Многорукий бог далайна» Святослава Логинова, «Там, где нас нет» Михаила Успенского, «Волкодав» Марии Семёновой.

В настоящее время количество изданных в России произведений фэнтези исчисляется не сотнями, а тысячами, они завоевывают своих читателей и поклонников не только среди подростковой и молодежной аудитории. При этом общее именование «фэнтези» получают различные по тематике и выбору материала произведения. Таким образом называют тексты, действие которых происходит и в современной Москве («Ночной дозор» А. Лукьяненко), и в дохристианской Руси («Колдун» О. Григорьевой), и в вымышленном мире, стилизованном под средневековье («Ричард Длинные Руки» Гая Юлия Орловского).

Фантастоведы, размышляющие о специфике этой разновидности фантастической литературы, отмечают генетическую связь фэнтези с мифом и фольклорной сказкой. Однако в отечественном литературоведении для обозначения произведений, ориентированных на традиции фольклора и составляющих преимущественно детское чтение, долгое время употреблялся другой термин – литературная сказка. Отсутствие четких критериев разграничения фэнтези и литературной сказки определяет актуальность их изучения, необходимость выявления общих и различных черт.

Исследованию литературной сказки посвящено множество статей, монографий, кандидатских и докторских диссертаций. Специалисты подчеркивают изменчивость жанра, его проблемно-тематическую вариативность, что затрудняет процесс создания универсального определения. При всем национально-историческом своеобразии и многообразии литературной сказки в ее поэтике выделяется некий канон, соотносимый с фольклорной основой. Отступления от этого канона приводят к разрушению границ жанра.

Вслед за М. Н. Липовецким мы будем понимать под литературной сказкой «произведения, в которых аксиологически ориентированный тип концепции действительности, сложившийся в народной волшебной сказке, представлен не как фрагмент художественного мира, а как его основание и структурный каркас и воссоздается через систему основных и факультативных носителей “памяти жанра” волшебной сказки» [1, с. 160].

Исчерпывающее определение фэнтези в связи с недавним его появлением отсутствует. Среди отличительных признаков этого вида фантастической литературы критики называют сосредоточенность на этических, нравственных проблемах [2, с. 161; 3, с. 343], особый тип сюжета – квест [2, с. 162; 4, с. 176], наличие вымышленных, мифических персонажей [2, с. 161; 5, с. 1161]. К отечественному фэнтези относят произведения, ориентированные на авторскую модель романов Д. Р. Р. Толкиена, которого большинство фантастоведов склонно считать основателем этого направления литературы.

Выявление особенностей литературной сказки и фэнтези осложняется тем, что исторически они восходят к одному источнику – фольклорной сказке. Это дает основание сближать их на разных уровнях поэтики.

Литературную сказку и фэнтези объединяет близкая природа чудесного. В том и другом случае наследуются традиции фольклорной волшебной сказки, для которой чудо в структуре сказочного мира является составляющей частью действительности и не вызывает удивления у героев.

В определениях литературной сказки, предлагаемых исследователями (Л. Ю. Брауде, Т. Г. Леоновой, М. Н. Липовецким), подчеркивается жанрообразующая роль чуда, которое оказывает влияние на развитие сюжета, образы персонажей, принципы организации хронотопа. В свою очередь, к фэнтези традиционно относят произведения, где «возможно все», а «фантастических допущений может быть сколько угодно» [5, с. 1161].

В условных мирах литературной сказки и фэнтези любое чудо: наличие волшебных предметов, удивительных существ, магия, вмешательство сверхесте-

ственных сил в ход событий – все воспринимается героями как норма жизни.

Думается, такое восприятие чуда в литературной сказке и фэнтези связано с тем, что в них воспроизводятся не только композиционные признаки фольклорной сказки, но и особый тип сознания, породивший ее, – мифологический. Носителем мифологического сознания мир ощущался как живой, изменяющийся, одушевленный, и человек верил в возможность магического воздействия на него.

Писатели XX в. вновь обратились к истокам культуры, пытаясь через древние, архетипические образы осмыслить происходящее в современности. Литературовед М. И. Мещерякова, размышляя о процессе ремифологизации в русской литературе, называет фэнтези «неомифом», потому что в нем построение целостной картины мира «сопровождается воссозданием мифо-синкретических структур мышления» [6].

О сходстве литературной сказки и фэнтези можно говорить и на уровне создания образов персонажей. Образы героев литературной сказки, с точки зрения современного сознания, довольно схематичны. Герои наделяются двумя-тремя качествами, которые неизменно проявляются на протяжении всего повествования, могут определять его сюжетное развитие. Приключения Буратино связаны с его любопытством; старик Хоттабыч, не понимающий реалий жизни в Советском Союзе, оказывается в комичных ситуациях; девочка Элли всегда спешит на помощь окружающим и т. д. Образы героев создаются несколькими крупными, яркими деталями поведения в необычных ситуациях, благодаря им легко запоминаются.

Герои фэнтези тоже предстают как схематичное воплощение определенных качеств, свойств человеческого характера, типов поведения: обостренного чувства справедливости («Волкодав» М. Семёновой), простоты и добродушия («Жихарь» М. Успенского), склонности к авантюрам («Вольха» О. Громыко). Как и в литературной сказке, в фэнтези заданные свойства героев остаются статичными, многократно подтверждаются в процессе сюжетного развертывания.

И эту особенность создания образов героев можно объяснить ориентацией литературной сказки и фэнтези на традиции общего источника – фольклорной волшебной сказки. Ее исследователь В. Я. Пропп выделил семь инвариантных типов сказочных персонажей, которые выполняют определенные, строго закрепленные за ними функции в развитии сюжета: герой, вредитель, помощник, даритель, царевна и ее отец, отправитель, ложный герой. Названные типы фольклорных персонажей, действительно, универсальны, поскольку их сопоставление по разным основаниям (герой – даритель, герой – вредитель, герой – ложный герой и др.) дает возможность описать этапы развития действия, служит источником сюжетообразования для более поздних литературных форм.

Думается, один из секретов притягательности литературной сказки и фэнтези для наивного сознания, прежде всего для подростков, кроется в том, что образы современных героев соотносятся с подсознательно усвоенной архетипической моделью поведения героя, типа героя и актуализируют процесс узнавания, облегчают освоение нового материала.

Однако у литературной сказки и фэнтези есть не только общие, но и различные черты. Помимо традиционных сказочных сюжетов, мотивов, образов, фэнтези ориентируется на мифологический опыт. Не случайно «отцом-прародителем» фэнтези считают английского профессора, лингвиста Д. Р. Р. Толкиена, который творчески переосмыслил европейскую мифологию и на ее основе создал неповторимый, индивидуально-авторский миф о вымышленном Средиземье.

В уже упоминавшейся работе М. И. Мещерякова подчеркивается тяготение авторов фэнтези «к воссозданию, переосмыслению мифического архетипа, а также формированию нового мифа в ее («вторичной» художественной реальности. – Я. К.) границах» [6]. Созданные в произведениях фэнтези условные миры представляются как объективная данность, они обладают собственными характеристиками: подробно описывается их история, география, обычаи населяющих народов. Довольно часто уже знакомые читателю мифологические образы и мотивы в границах авторских миров получают новое наполнение, превращаясь в элементы индивидуального мифа.

В конце XX в. в русле отечественной фантастики стало активно развиваться так называемое русское («славянское») фэнтези. Одним из его отличительных признаков является обращение к материалу славянских мифов и фольклора. В произведениях М. Семёновой («Волкодав», 1996), О. Григорьевой («Колдун», 1997), Ю. Никитина («Трое из леса», 2000), Е. Дворецкой («Огненный волк», 2006) и др. выстраиваются целостные картины миров, которые отражают авторское понимание истории, мифологии Древней Руси, хотя в этом они могут значительно различаться.

Польский фантаст Анджей Сапковский в статье «Вареник, или Нет золота в Серых горах», рассуждая об особенностях «славянского» фэнтези, утверждает, что этого направления фантастики вообще не может существовать, поскольку отсутствует материал для него. Исторически сложилось, что славянская мифология на ранних этапах своего формирования и фиксации была названа язычеством и подвергалась гонениям со стороны властей, принявших христианство. В культуре языческие и христианские традиции переплетены так тесно, что Сапковскому представляется затруднительным выявление исконно славянских архетипических образов и мотивов.

Однако русская фольклористика и литературоведение располагают большим количеством академических работ, в которых предприняты попытки реконструкции славянской мифологии (А. Н. Афанасьева,

А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, Б. Н. Рыбакова и др.). Вопрос о степени сформированности системы мифов остается спорным, но каждый массовый читатель знаком с их отголосками благодаря разным жанрам фольклора, известным с детства. Можно предположить, что в сознании русского читателя представление о мифологии предков сформировано на уровне бессознательно интуитивного восприятия.

Термины «славянское» и «русское» фэнтези в критических статьях часто употребляются как синонимы. Думается, необходимо учитывать родо-видовые связи между этими словами и использовать термин «славянское фэнтези» по отношению к соответствующей литературе славянских стран, а «русским» называть разновидность отечественного фэнтези.

Обращение авторов фэнтези к опыту мифа приводит к усложнению художественного мира произведений: сказочная модель повествования сочетается с мифологическими сюжетами, мотивами (инициации, змеборства, двойничества).

Для фэнтези сказки и мифы могут служить не только источником сюжетов, мотивов, героев, но и объектом игры, иронического переосмысления традиционных образов. В романе М. Успенского «Там, где нас нет» (1995) игровое начало предельно усилено, условный мир соткан из сотен раскавыченных цитат, узнаваемых стилизаций, известных образов и сюжетов мировой культуры. В повести О. Громыко «О бедном Кощее замолвите слово» (2006) повествование ведется от лица Василисы, которая, желая избавиться от сватающегося к ней глупого Ильи Муромца, выхо-

дит замуж за Кощея Бессмертного. Неожиданно трактуется известный с детства сюжет о Кощее и Марье Моревне: в интерпретации О. Громыко Марья – злая колдунья, захватившая в плен доброго чародея Кощея и пытающаяся отнять у него волшебную силу. Василиса с мужем благополучно проходят испытания, и в финале повести описывается традиционный «пир на весь мир».

Нередко игровая природа фэнтези эксплицируется авторами уже в названиях произведений, ориентируя читателя на прецедентный текст или знак культуры: «Кого за смертью посылать» (1998) М. Успенского, «Кощеево ovum» (2005) В. Аренева, «Кому в Навьем царстве жить хорошо» (2006) О. Громыко, «Не будите спящую принцессу» (2006) Н. Резановой. Можно говорить о тенденции, проявляющейся в эксплуатации приема работы с «чужими» текстами, что выражается в создании полилогий (трилогии М. Успенского о Жихаре, Н. Резановой о Принцессе, Ю. Набоковой о волшебнице Яне).

Думается, можно рассматривать литературную сказку и фэнтези как два самостоятельных направления в современной литературе, восходящих к общей фольклорной основе, но по-разному усваивающих ее опыт. Для литературной сказки фольклор служит своеобразным фундаментом, на котором «надстраивается образ современного художнику мира» [1, с. 160]. Авторам фэнтези архаический материал служит источником создания новых, индивидуальных мифов или формальным объектом игры с читателем по угадыванию культурных аллюзий и реминисценций.

Список литературы

1. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск, 1992. 184 с.
2. Галина М. С. Авторская интерпретация универсального мифа (Жанр «фэнтези» и женщины-писательницы) // *Общественные науки и современность*. 1998. № 6. С. 161–170.
3. Озерова Е. Фэнтези // *Энциклопедия для детей*. Т. 15. Всемирная литература. Ч. 2. XIX и XX вв. / гл. ред. В. А. Володин. М.: Аванта+, 2002. С. 342–343.
4. Губайловский В. Обоснование счастья. О природе фэнтези и первооткрывателе жанра // *Новый мир*. 2002. № 3. С. 174–185.
5. Гопман В. Фэнтези // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. С. 1161–1164.
6. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй пол. XX в.: проблемы поэтики. URL: www.rus.ru/litved/fant/me3.htm (дата обращения 25.05.2010).

Королькова Я. В., аспирант.

Национальный исследовательский университет ресурсоэффективных технологий.

Пр. Ленина, 30, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: korolkovatomsk@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 31.05.2010

Ya. V. Korolkova

ON THE CORRESPONDENCE OF LITERATURE TALE AND FANTASY

The article is devoted to the correspondence of literature tale and fantasy on the different levels of poetics. Among general characteristics the nature of miracle and the principles of characters creation are marked out. The unoriginality of fantasy works in relation to folk texts and the tendency to individual author's myths creation are considered as the distinguishing characteristics of fantasy.

Key words: *tale, fantasy, miracle, character, individual author's myths, playing text nature.*

National Research University of Resource-Efficient Technologies.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634050.

E-mail: korolkovatomsk@yandex.ru